

Локис

Автор:

[Проспер Мериме](#)

Локис

Проспер Мериме

Новеллы Проспера Мериме

«... Сначала мы ели молча; но после первого стакана мадеры я спросил у доктора, часто ли с графом случаются болезненные припадки, лишившие нас сегодня его общества.

- И да и нет, - ответил доктор, - это зависит от того, куда он ездит.

- Как так?

- Если, например, он ездит по Россиенской дороге, он всегда возвращается с мигренью и в плохом настроении.

- Мне случалось ездить в Россиены, и со мной ничего подобного не бывало.

- Это, господин профессор, объясняется тем, что вы не влюблены, - ответил мне доктор со смехом. ...»

Проспер Мериме

Локис (Рукопись профессора Виттенбаха)

– Будьте добры, Теодор, – сказал профессор Виттенбах, – дайте мне тетрадку в пергаментном переплете со второй полки, над письменным столом, – нет, не эту, а маленькую, в восьмушку. Я собрал в нее все заметки из своего дневника за 1866 год, по крайней мере, все то, что относится к графу Шемету.

Профессор надел очки и среди глубокого молчания прочел следующее:

ЛОКИС

с литовской пословицей в качестве эпитафии:

Miszka su Loki

Abu du tokiu[1 - Два сапога – пара; дословно: Мишка и Локис одно и то же, Michaelium cum Lokide, ambo (duo) ipsissimi.].

Когда в Лондоне появился первый перевод на литовский язык Священного Писания, я поместил в Кенигсбергской научно-литературной газете статью, в которой, отдавая должное работе ученого переводчика и благочестивым намерениям Библейского общества, я счел долгом отметить некоторые небольшие погрешности, а кроме того, указал, что перевод этот может быть пригоден для одной только части литовского народа. Действительно, диалект, который применил переводчик, лишь с большим трудом понимается жителями областей, говорящих на жемайтском языке, в просторечии именуемом жмудским. Я имею в виду Самогитский палатинат, язык которого, может быть, еще более приближается к санскриту, чем верхнелитовский. Замечание это, несмотря на яростную критику со стороны одного весьма известного профессора Дерптского университета, открыло глаза почтенным членам совета Библейского общества, которое не замедлило прислать мне лестное предложение принять на себя руководство изданием Евангелия от Матфея на самогитском наречии. В то время я был слишком занят изысканиями в области зауральских языков, чтобы предпринять работу в более широком масштабе, которая охватила бы все четыре Евангелия. Итак, отложив женитьбу на Гертруде Вебер, невесте моей, я отправился в Ковно с намерением собрать все лингвистические памятники

жмудского языка, печатные и рукописные, какие только мне удалось бы достать, не пренебрегая, разумеется, также и народными песнями – dainos, равно как и сказками и легендами – pasakos. Все это должно было дать мне материалы для составления жмудского словаря – работа, которая необходимо должна была предшествовать самому переводу.

Я имел с собой рекомендательное письмо к молодому графу Михаилу Шемету, отец которого, как меня уверяли, обладал знаменитым Catechismus Samogiticus отца Лавицкого, книгой столь редкой, что самое существование ее оспаривалось упомянутым мною выше дерптским профессором. В его библиотеке, согласно собранным мною сведениям, находилось старинное собрание dainos, а также поэтических памятников на древнепрусском языке. Я написал письмо графу Шемету, чтобы объяснить цель моего посещения, и получил от него крайне любезное приглашение провести в его замке Мединтильтас столько времени, сколько потребно будет для моих разысканий. Письмо свое он заканчивал уверением, изложенным в самой приветливой форме, что сам он может похвалиться умением говорить по-жмудски не хуже его крестьян и что он был бы счастлив присоединить и свои старания к моим в предприятии, которое он называл великим и увлекательным. Подобно некоторым другим из наиболее богатых землевладельцев в Литве, он исповедовал евангелическое вероучение, священнослужителем которого я имею честь состоять. Меня предупреждали, что граф не лишен некоторых странностей, но, впрочем, весьма гостеприимный хозяин, любитель наук и искусств и особенно внимателен к лицам, которые ими занимаются. Итак, я отправился в Мединтильтас.

У подъезда замка меня встретил графский управитель, который тотчас же проводил меня в приготовленную для меня комнату.

– Его сиятельство, – сказал он мне, – крайне сожалеет, что не может сегодня отобедать вместе с господином профессором. У него один из приступов мигрени, которой он, к сожалению, часто болеет. Если господину профессору не угодно откусать у себя в комнате, он может пообедать с господином Фребером, доктором графини. Обед – через час; к столу не переодеваются. Если господину профессору что-нибудь понадобится, вот звонок.

И он удалился, отвесив глубокий поклон.

Моя комната была просторна, хорошо обставлена, украшена зеркалами и позолотой. С одной стороны окна выходили на замковый сад или, лучше сказать,

парк, с другой – на широкий парадный двор. Несмотря на предупреждение, что к столу не переодеваются, я счел необходимым вынуть из чемодана свой черный фрак. Оставшись в одном жилете, я занялся разборкой своего легкого багажа, как вдруг стук колес привлек меня к окну, выходящему на двор. Туда только что въехала прекрасная коляска. В ней сидели дама в черном, какой-то господин и еще одна женщина, одетая как литовская крестьянка, столь рослая и крупная на вид, что я сначала готов был принять ее за переодетого мужчину. Она вышла первой; две другие женщины, по виду не менее крепкие, стояли уже на крыльце. Господин наклонился к даме в черном и, к крайнему моему удивлению, отстегнул широкий ремень, которым она была прикреплена к своему месту в коляске. Я заметил, что волосы у этой дамы, длинные и седые, были растрепаны, а широко раскрытые глаза – безжизненны: ее можно было принять за восковую фигуру. Отвязав свою спутницу, господин снял перед ней шляпу и весьма почтительно сказал ей несколько слов, но она, по-видимому, не обратила на них ни малейшего внимания. Тогда он повернулся к служанкам и едва заметно кивнул им головой. Три женщины тотчас же схватили даму в черном и, несмотря на то что она изо всех сил цеплялась за коляску, подняли ее, как перышко, и внесли в дом. Кучка домовых челяди наблюдала эту сцену и, казалось, не видела в ней ничего необыкновенного.

Человек, руководивший всеми этими действиями, вынул часы и спросил, скоро ли будет обед.

– Через четверть часа, господин доктор, – ответили ему.

Мне нетрудно было догадаться, что передо мною был доктор Фребер, а дама в черном была графиня. По ее возрасту я заключил, что она приходится матерью графу Шемету, а предосторожности, принятые по отношению к ней, указывали достаточно ясно, что рассудок ее был поврежден.

Через несколько минут доктор вошел в мою комнату.

– Графу нездоровится, – сказал он мне, – и потому я должен сам представиться господину профессору. Доктор Фребер, к вашим услугам. Мне чрезвычайно приятно лично познакомиться с ученым, заслуги которого известны всем читателям Кенигсбергской научно-литературной газеты. Угодно вам будет, чтобы подавали на стол?

Я ответил любезностью на любезность, прибавив, что, если время садиться за стол, я готов.

Когда мы вошли в столовую, дворецкий, по северному обычаю, поднес нам серебряный поднос, уставленный водками и солеными, очень острыми закусками для возбуждения аппетита.

– Разрешите мне в качестве врача, господин профессор, – обратился ко мне доктор, – рекомендовать вам стаканчик вот этой старки сорокалетней выдержки. Попробуйте: настоящий коньяк на вкус. Это всем водкам водка. Возьмите дронтхеймский анчоус; ничто так не прочищает и не расширяет пищевод, а ведь это один из важнейших органов нашего тела... А теперь – за стол. Отчего бы нам не разговаривать по-немецки? Вы из Кенигсберга, а я хоть и из Мемеля, но учился в Йене. Таким образом, мы не будем стеснены, так как прислуга, знающая только по-польски и по-русски, не будет нас понимать.

Сначала мы ели молча; но после первого стакана мадеры я спросил у доктора, часто ли с графом случаются болезненные припадки, лишившие нас сегодня его общества.

– И да и нет, – ответил доктор, – это зависит от того, куда он ездит.

– Как так?

– Если, например, он ездит по Россиенской дороге, он всегда возвращается с мигренью и в плохом настроении.

– Мне случалось ездить в Россиены, и со мной ничего подобного не бывало.

– Это, господин профессор, объясняется тем, что вы не влюблены, – ответил мне доктор со смехом.

Я вздохнул, вспомнив о Гертруде Вебер.

– Значит, – сказал я, – невеста графа живет в Россиенах?

– Да, в окрестностях. Невеста?.. Не знаю, невеста ли. Злостная кокетка! Она доведет его до того, что он потеряет рассудок, как его мать.

– А в самом деле, кажется, графиня... не совсем здорова?

– Она сумасшедшая, дорогой профессор, сумасшедшая. И я тоже сумасшедший, что поехал сюда.

– Будем надеяться, что ваш уход за нею вернет ей рассудок.

Доктор покачал головой, рассматривая на свет стакан бордо, который он держал в руке.

– Надо вам сказать, господин профессор, я состоял военным хирургом при Калужском полку. Под Севастополем нам приходилось день и ночь отнимать руки и ноги. Я не говорю уже о бомбах, которые летали над нами, как мухи над падалью. Так вот, несмотря на дурную квартиру и скверную пищу, я тогда не скучал так, как здесь сейчас, где я ем и пью как нельзя лучше, живу как князь и жалование мне платят словно лейб-медику... Но свобода, мой дорогой профессор, – вот чего мне недостает. С этой чертовкой я ни на минуту не принадлежу себе!

– И давно она на вашем попечении?

– Почти два года. Но с ума она сошла по меньшей мере двадцать семь лет тому назад, еще до рождения графа. Разве вам не рассказывали об этом в Россиенах или в Ковно? Ну так послушайте. Это редкий случай. Я хочу поместить о нем статью в Санкт-Петербургском медицинском журнале. Она помешалась от страха...

– От страха? Как это могло быть?

– От страха, который она испытала. Она из рода Кейстутов. О, в семье наших хозяев не терпят неравных браков! Мы ведь ведем свой род от Гедемина!.. Так вот, господин профессор, через два или три дня после свадьбы, которую отпраздновали в этом замке, где мы с вами обедаем (ваше здоровье!), граф, отец нынешнего, отправился на охоту. Наши литовские дамы – амазонки, как

вам известно. Графиня тоже едет на охоту... Она опережает ловчих или отстает от них, я уж не знаю в точности... Но только вдруг граф видит, что во весь опор скачет казачок графини, мальчик лет двенадцати-четырнадцати. «Ваше сиятельство, – кричит он, – медведь утащил графиню!» – «Где?» – спрашивает граф. «Вон там», – отвечает казачок. Все мчатся к указанному месту; графини нет! Тут лежит ее задушенная лошадь, там – шубка графини, разорванная в клочья. Ищут, обшаривают весь лес. Наконец какой-то ловчий кричит: «Вон медведь!» И правда, через поляну шел медведь, волоча графиню. Наверно, он хотел затащить ее в чащу и там пожрать без помехи. Ведь эти животные – лакомки; они, как монахи, любят пообедать спокойно. Граф, всего два дня как повенчанный, поступил как рыцарь: он хотел броситься на медведя с охотничьим ножом; но, дорогой мой профессор, литовский медведь не олень, он не дастся простому ножу. К счастью, графский зарядчик, порядочный негодяй, к тому же напившийся в тот день до того, что зайца от козла не отличил бы, на расстоянии более ста шагов выстрелил из своего карабина, нисколько не думая, в кого попадет пуля: в зверя или в женщину...

– И уложил медведя?

– Наповал. Только пьяницам удаются такие выстрелы. Бывают, впрочем, и заговоренные пули, господин профессор. У нас тут есть колдуны, которые продают их по сходной цене... Графиня была вся покрыта ссадинами, без сознания, разумеется; одна нога у нее была сломана. Ее привезли домой, она пришла в себя, но рассудок ее покинул. Ее отвезли в Санкт-Петербург. Созвали консультацию – четыре доктора, увешанные орденами. Они говорят: «Графиня – в положении; весьма вероятно, что разрешение от бремени повлечет за собою благоприятный перелом». Предписывали свежий воздух, жизнь в деревне, сыворотку, кодеин... Каждый получил по сто рублей. Через девять месяцев графиня родила здорового мальчика... Но где же благоприятный перелом? Как бы не так!.. Буйство ее удвоилось. Граф показывает ей ребенка. Это всегда производит неотразимое впечатление... в романах. «Убейте его! Убейте зверя!» – кричит она. Чуть голову ему не свернула. И с тех пор чередуются – то идиотическое слабоумие, то буйное помешательство. Сильная склонность к самоубийству. Приходится ее привязывать, чтобы вывозить на свежий воздух. Необходимо иметь трех здоровенных служанок, чтобы держать ее. А между тем, заметьте, пожалуйста, профессор, следующее обстоятельство. Никакими уговорами я не мог добиться от нее повиновения; есть только одно средство ее успокоить. Стоит пригрозить, что ей обстригут волосы... Вероятно, в молодости у нее были чудные косы. Кокетство – вот единственное человеческое чувство, которое у нее осталось. Правда, забавно? Если бы мне представили право

поступать с ней по моему благоусмотрению, может быть, я и нашел бы средство излечить ее.

- Какое же?

- Побои. Я этим вылечил десятка с два баб в одной деревне, где появилось это ужасное русское сумасшествие – кликушество[2 - По-русски сумасшедших называют кликушами – от слова «клик»: вопль, вой.]; одна начинает выкликать, за ней – другая, через три дня все бабы в деревне – кликуши. Только побоями я их и вылечил. (Возьмите рябчика, они очень нежны.) Граф так и не позволил мне попробовать.

- Как? Вы думали, что он согласится на такой отвратительный способ лечения?

- Ну, ведь он почти не знает своей матери, а потом – это было бы для ее же блага. Но, признайтесь, господин профессор, вы никогда не поверили бы, что от страха можно сойти с ума?

- Положение графини было ужасно... Очутиться в лапах такого свирепого зверя!

- А сын – не в мамашу. Около года тому назад он попал совершенно в такое же положение и благодаря своему хладнокровию вышел из него невредимым.

- Из когтей медведя?

- Медведицы, притом такой огромной, каких давно не видывали. Граф бросился на нее с рогатиной. Не тут-то было; ударом лапы она откинула рогатину, схватила графа и повалила его на землю так же легко, как я опрокинул бы эту бутылку. Но, не будь глуп, он притворился мертвым... Медведица понюхала его, понюхала, а потом, вместо того чтобы растерзать, лизнула. У него хватило присутствия духа не шелохнуться – и она пошла прочь своей дорогой.

- Медведица приняла его за мертвого. Говорят, что эти звери не трогают трупов.

- Нужно этому верить на слово и воздерживаться от проверки на личном опыте; но, кстати, о страхе, позвольте мне рассказать одну севастопольскую историю. Мы сидели впятером или вшестером за кувшином пива, позади походного

лазарета славного пятого батальона. Караульный кричит: «Бомба!» Все мы бросились плашмя наземь... впрочем, не все: один из нас по имени... ну, да ни к чему его называть... один молодой офицер, только что к нам прибывший, остался на ногах, с полным стаканом в руке, как раз в тот момент, когда бомба разорвалась. Она оторвала голову моему приятелю, бедному Андрею Сперанскому, славному малому, и разбила кувшин: к счастью, он был почти уже пуст. После взрыва мы поднялись и увидели в дыму нашего товарища, который допивал последний глоток пива как ни в чем не бывало. Мы сочли его за героя. На следующий день я встречаю капитана Гедеонова, только что выписавшегося из лазарета. Он говорит мне: «Я обедаю сегодня с вами, чтобы отпраздновать свой выход из лазарета, ставлю шампанское». Мы садимся за стол. И молодой офицер, что пил пиво, тоже с нами. Он не знал, что будет шампанское. Около него откупоривают бутылку... Паф! Пробка летит прямо ему в висок. Он вскрикивает и падает в обморок. Поверьте, что этот смельчак и в первом случае страшно перепугался, а если продолжал тянуть пиво, вместо того чтобы спрятаться, то потому, что потерял голову и продолжал делать чисто автоматические движения, в которых не отдавал себя отчета. В самом деле, господин профессор, машина, называемая человеком...

– Господин доктор, – сказал вошедший в залу слуга. – Ждано?ва говорит, что ее сиятельство не желают кушать.

– Черт бы ее подрал! – заворчал доктор. – Иду... Сейчас я накормлю мою чертовку, господин профессор, а потом, если вы ничего не имеете против, мы могли бы сыграть с вами в преферанс или дурачка.

Я выразил ему свое сожаление по поводу того, что не умею играть в карты, и, когда он отправился к своей больной, я прошел к себе в комнату и стал писать письмо мадемуазель Гертруде.

II

Ночь была теплая, и я оставил открытым окно, выходящее в парк. Написав письмо и не чувствуя еще никакой охоты спать, я стал снова пересматривать литовские неправильные глаголы, стараясь в санскрите найти причины их различных неправильностей. Я с головой ушел в эту работу, когда вдруг

заметил, что кто-то с силой потряс одно из деревьев около моего окна. Послышался треск сухих веток, и мне почудилось, будто какое-то очень тяжелое животное пытается взобраться на дерево. Под живым впечатлением рассказов доктора о медведях я поднялся не без некоторой тревоги и в нескольких шагах от окна, в листве дерева, увидел человеческое лицо, ярко освещенное моей лампой. Явление это продолжалось один момент, но необыкновенный блеск глаз, с которыми встретился мой взгляд, поразил меня несказанно. Я невольно откинулся назад, потом подбежал к окну и строго спросил непрошеного гостя, что ему нужно. Но он тем временем уже начал торопливо спускаться с дерева; ухватившись за толстую ветку, он повис на мгновение в воздухе, затем соскочил на землю и тотчас же скрылся. Я позвонил; вошел слуга. Я рассказал ему о случившемся.

– Господину профессору, наверно, почудилось.

– Нет, я уверен в том, что говорю, – возразил я. – Боюсь, не забрался ли в парк вор.

– Этого не может быть, сударь.

– Тогда это кто-нибудь из обитателей замка?

Слуга широко раскрыл глаза и ничего не ответил. Наконец он спросил, не будет ли каких приказаний. Я велел ему затворить окно и лег в постель.

Спал я очень крепко и не видел во сне ни воров, ни медведей. Я заканчивал свой утренний туалет, когда в дверь постучали. Отворив дверь, я увидел перед собой рослого и красивого молодого человека в бухарском халате, с длинной турецкой трубкой в руке.

– Я пришел извиниться, господин профессор, – сказал он, – за плохой прием, оказанный мною такому почтенному гостю. Я – граф Шемет.

Я поспешил ответить, что, напротив, могу только поблагодарить его почтительнейшим образом за его великолепное гостеприимство, и спросил, избавился ли он от своей мигрени.

– Почти что, – ответил он и прибавил с печальным выражением лица: – До следующего приступа. Прилично ли вас здесь устроили? Не забывайте, что вы находитесь в варварской стране. В Самогитии не приходится быть очень требовательным.

Я уверил его, что чувствую себя превосходно. Разговаривая с ним, я не мог удержаться, чтобы не рассматривать его с несколько беззастенчивым любопытством. В его взгляде было что-то странное, невольно напомнившее мне взгляд человека, которого я накануне видел на дереве.

«Но может ли это быть, – думал я, – чтобы граф Шемет лазил ночью по деревьям?»

У него был высокий, хорошо развитый, хотя несколько узкий лоб. Черты лица были совершенно правильны, только глаза были слишком близко посажены один к другому, так что, как мне казалось, между их слезными железами не поместился бы еще один глаз, как того требует канон греческой скульптуры. Взгляд у него был пронизательный. Наши глаза помимо нашей воли несколько раз встречались, и мы оба неизменно отводили их в сторону с некоторым смущением. Вдруг граф, расхохотавшись, воскликнул:

– Да, вы меня узнали!

– Узнал?

– Конечно! Вчера вы поймали меня на большой шалости.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Два сапога – пара; дословно: Мишка и Локис одно и то же, Michaelium cum Lokide,ambo (duo) ipsissimi.

2

По-руски сумасшедших называют кликушами – от слова «клик»: вопль, вой.

Купить: <https://tellnovel.com/prosper-merime/lokis-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)